

Владимир Вейс

18+

Улыбка экстрасенса

Владимир Вейс
Улыбка экстрасенса

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Владимир Вейс

Улыбка экстрасенса / Владимир Вейс — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

В книге собраны рассказы о реинкарнации, когда люди вспоминают о том, кем они были раньше...

Рецидивы реинкарнации

1

Сон одолел меня на городском пляже. Было очень жарко. На солнце – все полсотни по Цельсию! Я лежал в тени акации, чудом выросшей на острове песка. Под голову положил толстые корни солодки, попавшие в затон. От них пахло сладким и больничным. Вероятно, этот запах прибрежной пустыни и навеял сон.

2

Я сидел на легкой и послушной лошади. Она была из Каракала, где выращивают ахалтекинцев. Ее звали Сона. Черный глаз косил на меня с некоторым удивлением, мол, как она оказалась под властью белого человека? Моя сабля постукивала концом по ее боку. Огромный наган лежал в кобуре. Полевой бинокль с цейсовскими стеклами, доставшийся моему предшественнику от убитого немца-офицера под Могилевом еще во время первой мировой войны, висел на кожаном ремешке на моей груди. Да, я кадровый офицер Первого Туркестанского конного батальона имени Клары Цеткин. Я стоял у дома местного главы Совета Курбана.

За спиной раздался голос комвзвода:

– Товарищ командир, разрешите обратиться?

– Что у тебя, Поляков?

– Вот, приспешник бухарского хана. Расстрелять или допросить?

– Допроси.

– Здесь?

– Да.

– Когда ты видел в последний раз своего хана?

– Мен билем ек!

– Он говорит, что ничего не понимает. Расстрелять его?

– Нет, не нада, я понимаю! – закричал человек в халате и теплой шапке на голове. Ноги же его были босы.

– Говори...

Пленный лихорадочно стал рассказывать.

Мы склонились над картой. Пленник говорил, что бухарский хан собрался бежать в Персию, но сначала его путь лежал к афганцам. Он взял много награбленного, с ним были двадцать женщин. Отряд – пятьдесят сабель. Следовательно, это был серьезный караван. Было ясно, что переплыть с таким сопровождением через Амударью хан не сможет. Пленник, надеясь на

спасение, рассказал об удивительном факте. Оказывается, в давние времена, когда к Амударье подошли войска Александра Македонского, был прорыт подводный тоннель. Мы слышали о нем от одного из моих бойцов, Семичева, который был геодезистом. Он подтвердил такую возможность, потому что грунт у Керкичи под Амударьей был очень плотный. Тоннель был возможен.

Позвали Семичева.

– Давай снова про тоннель под Дшейхун.

– Говорят, что тоннель имеет вид дуги под рекой. И вход надо искать с крутого берега.

– Найдешь?

– Не найдет, соберем аксакалов, они расколются, – уверенно сказал Поляков.

Я посмотрел на него. Комвзвода поднял ладонь, мол, будь спокоен, товарищ!

Солнце перевалило зенит. Через час можно будет отправляться. Мои командиры стали готовиться к новому броску по пустыне.

Я спешился и вошел в дом Курбана. Женщины – взрослая и три девочки – забежали по двору, поставили чай. В казане уже жарилось мясо барана, который минут десять назад жалобно смотрел на старшего сына Курбана. Тот, не раздумывая, рассек шею животного острым ножом.

Хозяин ни о чем не спрашивал. Он подал мне пиалу чая, приложив руку к сердцу. Это был бывший мулла, ставший председателем местного совета.

– Нет, сначала вы, – сказал я, – отказываясь от первой пиалы.

– Вы – гость. А у нас гость дороже отца. Берите.

– Спасибо. Где вы научились говорить по-русски?

– У меня первая жена была русская, хотя мне тогда исполнилось сорок лет. В то время я порвал с религией. А жена работала телеграфисткой в городе. Сына мы назвали Александром. По-нашему – Искандер.

– Как Македонский?

– Да, нам хотелось, чтобы первый мужчина в роду стал отважным воином.

– Сколько ему?

– Шестнадцать.

– Он хорошо знает места?

– Хотите взять его проводником до Керкичи?

– Откуда вы знаете, уважаемый?

– Бухарский хан туда поехал... Берите сына, он знает, где вход в тоннель. Он пытливый мальчик, сегодня возьмет оружие и станет мужчиной!

– Вы отважный отец, Курбан-ага.

Но он только спросил в ответ:

– Где ваша родина, Беркут?

– По моему имени – Кавказ. А так, я из смоленских краев.

– Вот в Смоленске вы тоже разведчик...

Мы оба улыбнулись. Он – седой человек с бородкой, я тридцатитрехлетний командир, без единой седины в льяных волосах, но с двумя шрамами на голове.

Появился сын.

– Поедешь с отрядом, – сказал по-русски Курбан, – проведешь по тоннелю в Керки.

– Рахмат! – с радостью и гордостью воскликнул Александр.

– Собирайся! Беркут твой командир.

– Есть! – вытянулся в струнку парень.

Я встал и отдал честь.

Курбан строго смотрел на нас.

– Я знаю, что от судьбы не убежишь, – сказал он, когда сын вышел. – Он хороший парень, но здесь с женщинами ему уже нельзя. Возьми его в отряд. Пусть послужит, дурь возраста переживет с вами. А после верни его мне. И береги. Вот тебе кинжал.

Хозяин дома протянул мне небольшой кинжал в ножнах. Я вынул кинжал. Сталь блестящая, ни одной царапины, ни зазубрины.

– Из Дамаска...

3

– Ой, Димка, ты что здесь делаешь один?

Я открыл глаза. Передо мной стояла в купальнике Динка.

– Эй, да ты же уезжала в Ашхабад?

– Ты не рад, что вернулась?

Динка стояла высокая и стройная. Ее волосы были перетянуты резинкой, но выбивались каким-то конусом, словно были игрушкой на новогодней елке. Вообще здорово, что мы с отцом взяли Динку в эту поездку.

Она моя соседка по лестничной площадке. А наш дом стоит в центре Смоленска. Девчонка напросилась в поездку в Туркмению, потому что в Ашхабаде жила ее тетка. Значит, уже прилетела.

– Тетка у меня странная. Она заказала мне билет в Туркменабад, но ошиблась на два дня. Когда принесли билеты, махнула рукой, мол, переделывать не стоит. Поезжай раньше. А ведь я была у нее в последний раз пятилетней девочкой. Такая вот крутая на характер, но совершенно рассеянная.

– Дин, а мне сон приснился какой-то чудной.

– Расскажи!

Девушка бросилась на песок рядом со мной. Она положила руку на мои ноги, а на нее – голову:

– Я жду!

В этом она вся! У нее очень красивые глаза. Большие и синие. Здесь уже несколько парней предлагали ей остаться и выйти за них замуж. Но она говорит, что не выйдет ни за кого.

Я ей рассказал про свой сон.

Она долго молчала, а после вдруг вскочила и возбужденно заходила вокруг меня кругами. Затем остановилась и, резко вытянув в мою сторону руку, крикнула:

– Это не сон! Нет, не сон! Эх, зачем я тебя разбудила! Если бы я знала!

– Динка, что с тобой?

– Это не со мной! Да ты не представляешь, что это тебя занесло в твою прошлую жизнь!

– Чего, чего?

– Того самого! Это был не сон, а воспоминание о прошлой жизни! Потому что все как в кино. Ты же рассказал так, будто это было какое-то произведение. И в нем есть действующие лица.

– Что это значит?

– Это значит, что ты, точнее, твоя предыдущая сущность, каким-то образом вернулась в прошлое, и ты увидел себя в той жизни!

– У меня была та жизнь? И что я сейчас не живу?

– Живешь! Но ты, вернее то твое тело, умерло, а та душа в твоём теле...

– Непонятно. Какое-такое мое тело? Вот он я, перед тобой!

– Бестолковый!

– Ах, вот какой я!

Я вскочил, обнял Динку и повалил ее на песок. Мы стали бороться. Затем я сжал девушку так, что она воскликнула:

– Димка, хватит, у меня кости хрустнули! Ты как увалень! Пойдем купаться!

Мы побежали к воде, теплой и зеленой от водорослей. Они были везде. Мы плыли на спине рядом друг с другом, и я чувствовал себя счастливым человеком лишь от того, что слегка касался при движении Динки. А она плыла, закрыв глаза.

– Эй, назад!

Это крикнул матрос с ближайшего к нам теплохода. Мы увидели, что проплыли середину залива и скоро окажемся у судов, стоявших у противоположного берега.

Мы развернулись к пляжу.

Матрос помахал нам рукой.

Дома выяснилось, что Динка, узнав что я пошел к затону, побежала за мной. Папина мама, бабушка Катя, накормила нас свежим борщом. Она очень вкусно готовит. И снова за ужином папа стал склонять ее поехать с ним в Россию.

– Не уговаривай, Вячик, – сказала она, – после раскулачивания в Саратове я живу в этом городе уже шестьдесят лет. Вот и умру здесь. Я уже привыкла к теплу. А в России всегда холодно, лето кургузое... Да, мне скучно без вас, но лучше и чаще такие встречи!

Раздался телефонный звонок. Отец взял трубку:

– О, Бяшим! Салам, салам, дорогой! Ты откуда? Звонишь из Керки? У меня есть время приехать к тебе. Я приеду с сыном. Ты и про него знаешь? Да, но с нами девушка, Дина... Хорошо, ждем твою машину.

Он положил трубку.

– Ну что, братцы, поедem в Керки? Мне звонил Бяшим Сахатов, мы с ним когда-то работали в обкоме партии. Сейчас он глава города. Машина будет в пять утра.

Мы с Динкой переглянулись. Здорово поехать на юг! Там же граница с Афганистаном!

Поездка обещала стать памятным событием в нашей жизни. Да она уже и стала, потому что самым неожиданным образом я «почувствовал» историю страны. И еще я собирался объяснить с Диной.

Мы долго сидели вечером на крыльце маминого дома. Было тепло, и ночь наступила, как это бывает в таких широтах, быстро. Я помню еще маленьким мальчиком эти вечера.

– Обними меня, – сказала Дина. А затем спросила, – Ты бы полюбил такую девушку как я?

– Нет.

– Почему?

– Потому что ты красивая, и с такой женой одно мучение! Все будут пялиться и пытаться отбить.

– Дурачок! Я верная. Мне кроме тебя никто не нужен!

– Но ведь существуют деньги, обольстители...

– Еще раз дурачок! Это все из фильмов. В жизни все по-другому. У нас в роду все женщины верные. А мы из казачьего рода.

– Ты меня уговариваешь жениться на тебе?

– А почему бы и нет?

Она еще плотнее прижалась ко мне.

– Идите спать! – услышали мы голос бабушки.

Мы вздохнули и пошли по своим комнатам.

4

Ровно в пять приехала шикарная черная машина – японский «Ниссан». Было уже светло в том предутреннем состоянии, когда вся природа дышит не насытится быстро исчезающей прохладой ночи. У нас с вечера было все готово и мы через минуту выскочили на улицу. Водитель вежливо стоял у дверей машины, рассаживая нас в салоне.

Ехали очень быстро. Говорят, что дорога от Туркменабада до Керки занимает не меньше двух часов. Но уже через час мы въезжали в Керки. Машину пропускали так, словно в ней был сам президент страны.

– Твой хозяин здесь авторитет! – заметил мой отец.

Водитель кивнул головой:

– Бяшим-ага очень уважаемый человек. Я везу вас к нему домой. Сейчас он на работе.

– В семь на работе?

– Президент в Ашхабаде встает рано и собирает хякимов на селекторный разбор. На это уходит всего час.

– Интересный режим, – заметил отец. Он сделал вид, что не понял иронии водителя.

Да и тот не собирался говорить, но через минуту сообщил:

– Как только вас расселят, Бяшим-ага приедет.

Да, так и произошло. Мы расположились в прекрасном доме с тенистыми аллеями и большим бассейном чистой воды. Каждому была выделена комната. Когда нас пригласили на веранду пить чай, приехал хяким. Он, радостно, раскрыв руки, пошел навстречу отцу. Было ясно, что они очень были дружны в свое время.

– Какое у тебя прекрасное сопровождение, Вячеслав-джан!

Хяким подошел к нам с протянутой для пожатия рукой. Но вдруг обнял меня:

– Я помню тебя крошкой. Но сейчас ты джигит!

Дину он приветствовал взмахом руки. Она, было, обиделась, но сам хозяин сказал:

– Диночка, у нас восточная страна. У женщин свое место в жизни. Но ты европейка, можешь находиться везде, никто не тронет. У меня в городе жесткий порядок. Мы не пользуемся замками. Все двери открыты.

– Вы победили криминал? – спросил отец.

– Мы вернулись к истокам восточной государственности. И смертная казнь у нас существует. Все это для порядка. Вот скажи, бывает ли такое чувство, когда видишь человека и знаешь его как родного?

– Это ты про меня? – спросил отец.

– Нет, это про твоего сына. Дима очень похож на одного человека, сыгравшего большую роль в жизни моей семьи. Но, что говорить, подождите немного. Впрочем, пройдемте в зал.

Мы поднялись. Помещение было около сорока квадратных метров. И современный чешский сервант стоял от двери в метрах семи совсем маленькой горкой.

Хозяин достал из серванта альбомом старых фотографий.

– Это мой отец, Искандер Курбанович. Он работал в органах и вышел в отставку генерал-лейтенантом КГБ. У него очень интересная молодость. В шестнадцать лет он провел отряд красноармейцев по тоннелю под Амударьей и участвовал в пленении Джунаид-хана.

А первым командиром был человек с гордым именем Беркут. Вот он!

И здесь Бяшим-ага посмотрел на меня:

– Вы, Дима, с ним как одно лицо.

Я взял фотографию, и увидел... себя, но уже, наверное, таким, каким должен стать лет в тридцать.

Динка выхватила фото. Она жадно разглядывала неизвестного нам Беркута и сверяла его со мной.

– Точно! Ты видел сон про себя. Ты и был Беркутом!

– Ей, дочка, о чем ты? Откуда ты знаешь имя этого человека?

– Сейчас расскажу! Это так необыкновенно. Но один вопрос к вам, Бяшим-ага: когда Беркут умер?

– Его расстреляли в 39-м году.

– Расстреляли?

– Да, тогда многих военных расстреливали. Моему отцу повезло. Его мать была какой-то родственницей Калинину. Ну, если знаете, его в СССР называли Всесоюзным старостой.

– Знаю, – хмуро ответил отец. – Он-то свою жену не спас от сталинских лагерей. Но, о чем вы говорите, Бяшим и Дина? О каком сходстве?

– Мы все сейчас расскажем, – воскликнула девушка. – Да, Дим? Расскажем?

Она посмотрела на меня. Я кивнул головой.

Меня это история стала пугать. И я снова рассказал свой сон. Когда я остановился, а это были слова о кинжале из Дамаска, то Бяшим-ага схватился за сердце. Тотчас откуда-то выскочила его жена. Она стала что-то говорить по-туркменски, указывая на нас пальцами.

– Гит! – услышал я знакомое по сну слово.

Женщина тотчас же ушла.

– Это третья жена, – сказал Бяшим-ага. – Клавдия уехала на Брянщину. Детей у нас не было, но появились идейные, как говорили раньше, разногласия. Вторая жена была совсем никчемной. Я отправил ее к родителям через месяц. А Бахар чуткая, но всегда в панике за

меня. Почему я схватился за сердце? Нет, я не болею. Ну, Дима, друг, узнаешь ли ты вещь, которую я сейчас покажу?

Старый товарищ отца указал на огромный ковер. И только сейчас мы заметили на его фоне висящий кинжал. И когда он оказался у меня в руках я воскликнул:

– Это он! Это то, что я видел во сне...

И тотчас же отключился.

5

Отряд вышел в поход под вечер и двигались около пяти часов без остановки. Была полночь, когда мы оказались у северной части Керкичи. Небольшой привал у дома чабана, который зарезал двух баранов, а я отдал ему горсть золотых монет, которые мне вручили в виде валюты в штабе дивизии. Около четырех часов утра я поднял отряд и попросил Александра вести нас к тоннелю.

Когда мы подошли к предполагаемому входу, то оказались перед грудой камней. Кто-то взорвал спуск в тоннель. Бойцы приступили к расчистке. Лишь с первыми лучами солнца мы вошли в большую пещеру. Тоннель был огромен, но лошади пугливо шли по его ровному дну в мерцании светильников. Через пятьдесят метров нас остановил шум.

– Это вода. Над нами самое глубокое место реки, – сказал юноша-проводник. – Я в первый раз испугался. Это было два года назад, когда мы с отцом бежали из Чарджоу. Все-таки вода слегка просачивается.

Мы пошли дальше, издавая слякотные звуки – по копыта лошади были в воде. И когда последний всадник оказался в метрах ста от самой глубокой отметки, за его спиной раздался шум обвалившегося грунта. Тоннель стал быстро наполняться водой. Было ясно, что скоро рухнет вся глина, но мы уже выходили на поверхность, совсем недалеко от города Керки.

Жаль тоннель. Пришлось взорвать выход динамитом, чтобы река не пробилась на новое русло. Так наш проводник Александр оказался отрезанным от дома и прошлой жизни.

Это была последняя, связанная в какой-то сюжет, картина из моего беспамятства. Затем замелькали сцены погони, стрельбы, лицо какой-то красивой женщины, крика первого ребенка, появления людей в военной форме.

Самое последнее, что я увидел в той жизни, это то, что мне завязали глаза. А последним ощущением было прикосновение дула нагана к моему затылку. Взрыв в голове и... темнота.

Я лежал на широкой кровати. Солнце пыталось пробиться сквозь жалюзи. Пахло лекарством и спиртом. Я увидел отца, Динку, Бяшим-агу и медсестру. Поодаль стоял врач-туркмен.

Он тотчас же подошел ко мне, когда я открыл глаза.

– Молодой человек, вы всех расстроили своим обмороком.

– Наверное, это от жары, извините, – смутился я и попытался подняться.

– Нет, нет, лежите. Надо понять, что произошло?

– Ничего, – ответил я. – Я просто увидел всю оставшуюся жизнь Беркута.

И рассказал о том, что произошло много лет назад.

6

Мы снова все в Смоленске. Отец продал свою долю завода ювелирных изделий в Туркмении. Ведь он был одним из первых руководителей бывшего филиала Смоленского завода в Чарджоу. А бабушку Катю мы все-таки уговорили переехать к нам, и она согласилась, потому что перед отъездом из Туркмении Динка шепнула ей, что мы поженимся. Но это уже совершенно другая история, хотя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.